

Клэр Валентайн

ОНИ
ВСЕГДА
БЫЛИ
ЗДЕСЬ

— Сборник рассказов —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

*Не всё, что скрывается во тьме,
хочет остаться незамеченным.*

18+

Claire Valentine

Они всегда были здесь

«Автор»

2026

Valentine C.

Они всегда были здесь / С. Valentine — «Автор», 2026

Страх старше человечества. И, возможно, переживёт его. Менялись эпохи, исчезали древние боги, открывались новые миры. Человечество тянулось к звёздам, но страх оставался, лишь меняя обличья. Когда-то он таился в глухих лесах. Спускался с гор вместе с туманом. Жил в древних проклятиях и забытых преданиях. Теперь он скрывается в необъяснимых явлениях, пугающих открытиях и глубинах космоса. А порой - в самом человеческом сознании. У этих историй разные истоки и разные лица. Одни уходят корнями в прошлое, другие заглядывают в будущее. Это путешествие от древних суеверий до научных кошмаров будущего, от чудовищ из преданий до ужасов, которым ещё предстоит получить имя. Но все они ведут туда, где привычные объяснения перестают работать. Так чего мы боимся на самом деле - того, что скрывается во тьме, или того, что однажды может выйти на свет? Загляните за границу известного. Только помните: не всё, что скрывается во тьме, хочет остаться незамеченным.

© Valentine C., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вбивайте гвозди.	5
Гребень.	18
То было зло.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Claire Valentine

Они всегда были здесь

Вбивайте гвозди.

— Борь, чего это Назаровы радуются? — Рома толкнул товарища в бок, указывая на соседский дом.

Борис, до этого увлечённо возившийся с клещами, неохотно обернулся. У него и без того хватало забот. Перед ним лежала дюжина изогнутых гвоздей, а инструмент совсем разболтался, да ещё и прямо посередине. Но, взглянув на соседский двор и увидев, что там творится, он невольно поднялся на ноги. Молот, лежавший у него на коленях, с глухим стуком упал на землю.

— И правда, чего это они? — Борис вытянул шею, стараясь разглядеть побольше.

— Сватаются, небось? — предположил Рома.

— Да кого там сватать? Петька совсем пацан, а бабы уж замужем, — нахмурился Боря. Но вдруг побледнел и засуетился. — Неужто Катюшу?..

Борис был крепок и широк в плечах, как и подобает кузнецу, но ростом не вышел: из-за забора ему видны были одни макушки соседей. А Назаровы тем временем передавали что-то друг другу, хохотали и одобрительно качали головами, заставляя Бориса сгорать от любопытства.

Рома, не снимая сапог, вскарабкался на скамейку. Хоть он и был повыше товарища, но и ему едва удавалось разглядеть причину такого бурного веселья. Старая деревянная скамья протестуяще заскрипела под его весом и покачнулась. Рома ухватился за плечо Бориса, чтобы не свалиться, а когда равновесие было восстановлено, вытянулся в струнку, привстав на цыпочки. Теперь соседский двор был как на ладони.

— Вот же ошалеть! — От увиденного у него полезли глаза на лоб.

Борис шикнул на товарища, но было уже поздно. Всё семейство Назаровых — все семеро, включая самого старика Назара: три дочери, два зятя и сын, — разом повернулось в их сторону. Семеро пар глаз угрюмо уставились на ошеломлённого Романа, который никак не мог отвести взгляда от того, что держала в руках Мария, старшая дочь Назара.

В ту же секунду скамейка под Ромой затрещала, опасно накренилась, и он полетел вниз.

— Чур меня! — пробормотал Рома, перекрестившись. Вскочив на ноги, он диким взглядом уставился на забор, за которым Назаровы вдруг притихли.

— Что ты увидел? — нетерпеливо допытывался Борис. — Катьку сватают? — Он сжал кулаки. — Убью! — пригрозил он воображаемым женихам самой младшей из трёх дочерей Назаровых.

Роман, мрачный как ночь, посмотрел на товарища и сплюнул на землю горечь, внезапно скопившуюся во рту. Потом неопределённо покачал головой.

— Должно быть, привиделось, — произнёс он онемевшими губами.

— Так что привиделось-то? — не унимался Боря.

В этот момент калитка назаровского двора распахнулась, и на улицу вышел глава семейства — сам дед Назар собственной персоной. Долговязый, жилистый старик с седой бородой до самой груди свирепо сверкнул глазами и направился к незванным зрителям.

— Ты чего, сопляк, по лавкам скачешь, яко козёл? — потребовал он, прожигая Романа неприятливым взглядом из-под нахмуренных бровей. — За соседями удумал подглядывать?

— Назар Тихонович, да разве ж из злого умысла? — Борис широко улыбнулся, заступаясь за друга. — Из любопытства же! Гулянка у вас какая, что ли? Нехорошо от соседей веселье скрывать, — он многозначительно подмигнул старику, но тот даже не взглянул в его сторону.

Рома же угрюмо смотрел на Назара, не пытаясь оправдываться. Он знал: старика привёл сюда не гнев, а страх. Страх, что Роман разболтает всем, что увидел.

— Неправильно это, Тихонович, — едва слышно процедил он.

— А твоего мнения никто не спрашивал! — рявкнул старик и погрозил ему пальцем. — А коль языком трепать будешь — вмиг без него останешься!

Рома стиснул ещё крепкие челюсти. Подбородок у него задрожал от злости.

— Не ваше это собачье дело, уяснили? — бросил он, смерив обоих тяжёлым, усталым взглядом. — Лодыри! — с презрением выплюнул старик и, развернувшись, зашагал обратно во двор.

— Клад нашли, что ли? — Борис толкнул друга в плечо. — Боятся, что ограбят, наверное... Вот бы и нам разбогатеть! Катюшу бы тогда за меня с радостью сосватали.

Рома мотнул головой, словно пытаясь избавиться от образа, застывшего перед глазами, и тяжело вздохнул.

— Упаси боже от такого богатства, — сухо произнёс он и посмотрел на товарища. — Мертвяка они в дом принесли.

— Богом клянусь, труп они нянчили! — Рома опрокинул уже третью рюмку самогона, да всё равно будто воду пил. Разве что рот обжигало. Сморщившись, он занюхал рукавом и снова тряхнул головой. — Гляжу, кулёк передают, а там и не дитё вовсе. Чёрное что-то. Мертвяк, я тебе говорю! — Он подался через стол и ухватил Бориса за локоть. — Безбожники они. Греховодники. Всю деревню угробят...

Борька невольно схватился за крест на груди, прижав его к коже.

— Думаешь, они своего... ну, того, покойного выкопали? Полгода ж, не меньше, прошло.

Роман промолчал, лишь залпом выпил ещё одну рюмку.

— Ну, ладно Машка умом от горя двинулась, — недоверчиво рассудил Боря, горестно качая головой. — Но живого бы родили, что ж они... — Он осёкся, и лицо его исказил страх. — Может, почудилось тебе, а? — с надеждой спросил он.

— Сам увидишь, — ответил Роман, потирая лицо. — Сегодня ночью. Вынесут они его первых петухов послушать — и сам всё увидишь.

— Много ты про мертвяков знаешь, — заметил товарищ. То ли с укором, то ли с подозрением.

— Прабабка нам истории сказывала. Всякие. Жуткие, да поучительные. Одну я хорошо запомнил. Про вдову, что мужа своего, на войне погибшего, вернуть захотела. Вымаливала его день и ночь, год, два... Пока однажды он не вернулся. Прямо у дома объявился. Да только вместо того, чтобы радоваться, что покойник с того света воротился, да откупить все слёзы, что по нему пролила, провожая в последний путь, рухнула она без сознания прямо на крыльце.

— Так то ж от счастья.

Рома покачал головой и налил себе новую рюмку.

— От ужаса. Сам посуди, что на порог к ней пришло, коли два года прошло. Да и на войне турки ему голову пополам раскололи. Прямо по темечку рубанули. Так его и закопали... Так он и пришёл... — Роман отрешённо уставился в пустоту и замолчал, будто снова увидел перед собой того мертвеца.

Боря тяжело сглотнул и посмурнел ещё больше.

— И что дальше было? Ушёл он?

Рома усмехнулся.

— Ушёл, — подтвердил он. — Но сперва супружнице своей голову за холодный приём открутил. Коль проводила покойника как полагается, так и встречай его так же.

Повисла тишина. Мужчины молча выпили по рюмке, не чокаясь.

— Это кому ж под силу мертвеца с того света воротить? — задумался Борис.

Рома выудил из миски пальцами кусок кислой капусты, сунул в рот и поморщился, разжёвывая.

— Точно не тому Богу, под которым мы ходим. От лукавого это, — тихо закончил он.

— А Катюша как же? — сокрушённо покачал головой Боря.

— Вот и поговори с ней, — вдруг просиял Рома. — Она-то всё знает.

Товарищ лишь махнул рукой.

— Сам знаешь, как она отца боится, — с печалью в голосе ответил он. — Давно не виделись мы. Живём на одной улице, а будто моря между нами.

— Пусть попробует теперь вашим встречам мешать, — Рома опрокинул ещё одну рюмку и криво, по-пьяному ухмыльнулся. — Когда мы их тайну знаем.

Боря уже открыл рот, чтобы возразить, но тут в избу кто-то вошёл, и он смолк. Незачем было, чтобы кто-то ещё услышал о том, что натворили Назаровы.

Роман прижал палец к губам. Боря молча кивнул.

Боря туго скрутил папиросу, прикурил и сунул её между зубов, боязливо поглядывая на угол крыши Назаровского дома, видневшийся из-за тына. Проклятая хата стояла почти у самого леса. С одной стороны к ней подступало поле, с другой — Назаровская конюшня да гостевой дом. А через дорогу жил Рома.

Когда-то дед Ромы, Николай, водил тесную дружбу со стариком Назаром. Да только после смерти деда Коли добрососедских отношений между семьями не сложилось. Ни у его сына, ни у внука. Сын — пьяница, внук, то бишь сам Рома, — по выражению старика, ничем не лучше отца, да ещё и бездельник. Назар Тихонович на дух не переносил Ромку, а заодно и всех его товарищей. Вот и расплачивался Боря за дружбу с Ромой.

Оно и понятно: Назар за дочек переживал. Не хотел в зятях лоботрясов, да старших-то дочерей всё равно за никудышных мужиков выдал. Довыбирался.

Но Катю он заберёт. Из-под венца заберёт, если потребуется. И не нехристям его судить.

Боря выпустил дым в ночную прохладу и поёжился. Ночь стояла тихая. Мертвецки тихая. Даже сверчки молчали.

Он удручённо покачал головой.

— Мёртвых всё живое боится, — одними губами прошептал Борис.

Всю ночь он не сомкнул глаз, переживая за Катю. Стоило закрыть веки, как перед ним тут же возникали мертвецы да раскопанные могилы. Покойники с ямами вместо глаз и ртов тянули к нему руки, изгнившие до костей. Среди них была и Катюша — такая же жутко худая, почерневшая.

«Помоги мне, Боренька, спаси», — причитала она сладким голосом, заламывая в мольбе чёрные руки с корявыми ногтями, под которыми застряла могильная земля. Каштановые волосы болотной тиной свисали вокруг её головы. Белая сорочка стала бурой от грязи и какой-то непонятной жижи.

Только голос оставался прежним. Звенел в ушах испуганным колокольчиком.

Боря тут же распахивал глаза. Но даже лёжа в кромешной темноте, продолжал слышать её зов. От охватившего его ужаса сердце готово было разорваться.

— Чур меня, — шептал он заледеневшими губами, а сам обливался потом.

Так и промаялся до четырёх утра, словно в лихорадке, пока не пришло время вставать, чтобы не пропустить рассвет.

Теперь он ждал Рому, сидя на том же месте, что и днём, — у дома товарища, за оградой. Тот, небось, заснул хмельным сном, и теперь его до обеда не добудишься.

Боря покосился на калитку, на плотно зашторенные окна. Никого. Ну ничего, пусть проспится. Он ему всё потом расскажет.

Борис снова посмотрел в сторону Назаровского дома. До рассвета оставались считанные минуты. Воздух понемногу светлел, дома из сизых становились серыми. Вот-вот запоют птички, приветствуя солнце.

Но вокруг Назаровского дома стояла тишина, словно плотным куполом накрывшая двор. Она обволакивала его зловонным, удушливым покрывалом. Боре даже чудился запах покойника.

Прикрыв нос и рот рукавом, он не сводил глаз с проклятой хаты. За спиной уже разгорался рассвет, всё вокруг светлело, а вонь становилась только сильнее. Не спасал даже дым папиросы.

Скрипнула калитка. Рома, кутаясь в телогрейку, вышел за ограду. Глянул на горизонт, затем выжидающе уставился на забор Назаровых.

Поймав растерянный взгляд Бори, он произнёс:

— Не принимает живой мир его, — и кивнул на курятник в собственном дворе. — Даже мой молчит.

Боря почувствовал, как по коже пробежал мороз. Но тут же тёплые лучи солнца коснулись лица, разогнали окутавший его смрад и согрели озябшую кожу.

В ту же секунду заголосил петух. Следом — другой. Кричали надрывно, до хрипоты, так истошно, что кровь стыла в жилах. Словно пытались донести какую-то страшную весть до пробуждающегося мира.

— Господи, спаси, — перекрестился Рома.

Петухи смолкли. Все разом.

И тут послышался плач ребёнка.

Плач младенца с того утра стал доноситься со двора Назаровых каждый день. Как и вонь.

На девятый день Рома тихонько крался вдоль их забора. Сапоги скользили в жиже, в которую превратилась трава под ногами. Ещё недавно зелёная, теперь она прогнила до самых корней. Все растения вокруг проклятого дома пожелтели и увяли. Но источником смрада была не трава. Что-то другое. Именно это Рома и хотел найти.

Он искал щель в частоколе, чтобы заглянуть во двор. Таких было предостаточно, но ни одна не позволяла разглядеть ничего интереснее стен хозяйственных построек. Наконец он нашёл подходящую, однако именно здесь зловоние было почти невыносимым. Стоило приблизиться к забору, как смрад ударял в нос, глаза начинали слезиться, а кишки скручивало в узел.

Откашлявшись, Рома зажал рот и нос рукавом, чтобы ненароком не сделать лишнего вдоха, и прильнул к доскам, всматриваясь в глубину чужого двора.

Он внимательно оглядел дом и хозяйственные постройки. Вроде бы всё спокойно. И всё же было жутко. Что-то здесь определённо шло не так.

Отступив на шаг, он вытер выступившие слёзы и дал себе время отдышаться, прежде чем снова подойти к забору.

На этот раз он разглядел опустевшую собачью будку. Рядом валялась цепь с пустым ошейником. Должно быть, Полкан заходил лаем, почуяв чужака-нечестивца. Собаки такое чувствуют. Порой они и от нечисти двор защищают получше икон. Вот Назар и дел его куда-то.

Рома перевёл взгляд левее и краем глаза заметил что-то чёрное. Прямо у тына, совсем близко. Но сколько ни косился, разглядеть, что именно, не удавалось. Тем временем воздух в лёгких закончился.

— Да чтоб тебя! — выругался он, отшатываясь от забора и едва не теряя равновесия.

Отхаркиваясь и кашляя, Рома отошёл подальше, но тошнотворный запах уже словно въелся в нос.

Возвращаться к забору не хотелось, однако он понимал, что не может уйти, так и не узнав, что там.

Рома поковылял обратно. Желудок сводило спазмами, и он изо всех сил вжимался лицом в рукав, стараясь не дышать. Обогнув забор, он нашёл щель между досками пониже, опустился прямо на колени в кислую траву и придвинулся к тыну.

— Что б меня... — ахнул он от неожиданности и тут же отпрянул.

Густой смрад в ту же секунду заполнил рот, кишки подскочили к горлу. Ладони заскользили по мутной жиже, когда он неуклюже попытался подняться, задыхаясь и давясь рвотными позывами. И даже когда ему удалось почти ползком убраться подальше от забора, Роме всё мерещилось, будто из щели на него таращится красный мёртвый глаз.

Сваленные в кучу птицы — куры, петухи, гуси, всё, что ещё недавно водилось у Назаровых, — гнили прямо у забора.

Рома никак не мог отдышаться и избавиться от кома в горле, сколько ни отплёвывался. Он уже собрался вернуться домой и там обдумать, что делать дальше, как вдруг его окликнул строгий женский голос.

— Чего здесь рыскаешь? — зашипела на него Настасья, средняя из сестёр.

Оторопев, Рома испуганно уставился на женщину, лихорадочно придумывая отговорку.

Настасьи побаивались все. Ещё молодая, она обабилась едва ли не сразу после замужества, а характером пошла в отца: жёсткая, грубая, зато справедливая. Воспитывала она не только собственного мужа, но и всех вокруг, включая местную детвору. Только вот своими детьми так и не обзавелась. Не везло Назаровым с потомством.

— Да пропастиной несёт, Наська, — признался Рома, бледный как полотно. — Мож, крыса какая сдохла...

— Сдохла, — бросила Настасья, недоверчиво оглядывая его грязную после валяния в траве одежду. — Вечером сожжём. А ты иди отсюда, пока я отцу не сказала.

Она сердито кивнула в сторону его дома.

— И Борьке передай, чтоб к Катке не ходил. Не злите отца, — добавила она уже мягче.

— Хорошо, Насть, ухожу, — покорно закивал Рома и направился к своему дому.

Собственный пёс при виде хозяина неуверенно завилял хвостом, прижимаясь к земле.

— И ты неладное чуешь, да, Трезор? — обратился к нему Рома.

— Ром! — Из избы вышла мать, вытирая руки о фартук. Она кивнула на курятник. — Чем птицу кормил?

— Тем же, чем и всегда, — пожал он плечами. — А что не так? — спросил он, уже догадываясь, что дело неладно.

— Петух сдох, — она пытливо посмотрела на сына. — Может, отравы какой наклевался. Надо двор осмотреть. А то ещё и Трезор сожрёт чего-нибудь.

Рома покачал головой, зная, что виновата совсем другая зараза. Та, что проникла в мир живых и теперь травила всё вокруг.

— Прямо сейчас осмотрю, — пообещал он.

Мать одобрительно кивнула.

— И крупу проверь, — добавила она с тревогой в голосе. — А я до соседей схожу. Надо ж теперь где-то петуха брать.

Роман понуро смотрел ей вслед, размышляя, что делать дальше. Быстро умывшись и переодевшись, он поспешил к Борису.

Долго искать товарища не пришлось. Как и водилось, тот работал над чем-то в кузнице. Ещё подходя к дому, Рома услышал тяжёлые удары молота.

— Небось, на месте этой плюшки голову старика Назара рисуешь? — окликнул он товарища.

Борис отошёл от наковальни и хмуро посмотрел на Рому.

— Тяжко мне, как представляю, что Катя с мертвяком в одном доме ночует. Всё равно что раскалённой кочергой кишки бередают.

— М-да... Потому и пришёл. Делать что-то надо. Птицадохнет, а там и до нас недалеко. Бери гвоздь и пошли со мной. Катюху выманивать будем.

— Что ж это делается... — прошептал Борис. Подходя к дому Назаровых, он невольно сбавил шаг, оторопело глядя под ноги.

— А во дворе птицадохлая, — Рома поддел носком сапога жухлую траву вокруг проклятого дома и огляделся.

— Тухлятиной, может, поэтому и несёт?

— Не. Гниль гнилью, но запах покойника я ни с чем не перепутаю. Адохлятиной они просто его прикрыть пытаются. Чтоб было что соседям сказать.

Не успели они дойти до калитки, как та распахнулась.

— Отвадить вас пора, — заявил вышедший за ограду Василий, один из зятьёв Назара.

Должно быть, его и послали разбираться, потому что второй зять был уж совсем хилый. Поговаривали, будто Настасья своего Святика от хулиганов спасла, так и поженились. Деревенские подшучивали над ним, прекрасно зная, что это не более чем обидные байки. Пока однажды во время попойки Насе и впрямь не пришлось отбивать своего благоверного от местной перебравшей шпаны.

Васька же смотрел сурово, да и врезать мог.

— Позови тестя своего, — холодно произнёс Рома. — Разговор есть.

Василий оглянулся через плечо, прикрыл калитку и процедил:

— О моём сыне разговоры вести удумали?

— О Катюше, — ответил Боря и предупредительно положил руку на плечо Ромы. — Соскучился я. Несправедлив старик ко мне.

Вася смерил кузнеца недоверчивым взглядом.

— Васька, а ну Назара зови! — скомандовал вдруг женский голос.

Все трое обернулись. К ним приближались две женщины: мать Ромы и её свояченица, Лизавета Михайловна, жившая неподалёку.

— Что вам, тётъ Ань? — недовольно спросил Василий, скрестив руки на груди.

— А то ты не знаешь! Всю округу потравили! — Мать Романа, запыхавшись от возмущения, погрозила ему пальцем. — Чего вы такое насыпали, что птицадохлет? Кто мне возместит, я спрашиваю?

Бориса так и подмывало рассказать женщинам правду, пусть потом Назаровы оправдываются да выкручиваются. Да только тогда Кати ему не видать. И кто знает, чем всё обернётся, если раскрыть эту страшную тайну.

Калитка снова скрипнула, и на улицу вышел сам старик Назар. За эти несколько дней он посерел и осунулся.

— Чего разорались? — спросил он, с трудом поднимая на них отяжелевший взгляд.

— Назар, ну ты совсем на старости лет ума лишился? Разве сам не чуешь и не видишь? — упрекнула его Лизавета Михайловна. Она была младше старика всего на пару лет, но сейчас казалась ему дочерью.

— Ну птицадохла, — огрызнулся он. — Что теперь? Есть её нельзя, сжигать будем.

Рома пристально смотрел на старика, и ему казалось, что тот ослеп. Глаза заволокла белая пелена, а взгляд был устремлён куда-то в пустоту.

— Назар Тихонович, Катя где? — решительно спросил Рома.

Даже Борис опасливо покосился на товарища.

— Какое тебе, олуху, дело до Катки моей? Ищи себе бабу под стать, а к моим дочкам не лезь! — прорычал старик, обращая в его сторону невидящий взор.

— Ох ты ж погляди! — Мать Романа всплеснула руками. — Катка-то золотая, оказывается! И чего это мой сын недостоин девки? Али она и впрямь золотая?

— Помолчи, Анька! Мужа сгубила, сына не воспитала, за своей семьёй не досмотрела. Не нужна мне такая родня гнилая, — отмахнулся от неё старик.

— Да и нам не нужны пустобрюхие бабы! Я внуков помянчить хочу! А ваш род так и загнётся! — взъелась Ромкина мать.

— Ты, Анька, думай, что языком своим базарным треплешь! — сердито рявкнул старик. — Бог не Тимошка!

— А вот и то правда, — кивнула женщина. — Вот и подумай, чего ваше семейство вымирает. Не твоя ли в том заслуга, старый ты хрыч?

— Чтоб у тебя язык отсох, ведьма старая! — проворчал Назар, придерживаясь за забор, и плюнул на землю.

Сил у него почти не осталось, а поднявшийся хай и вовсе его доконал.

— Не доводи до греха, поди с глаз долой! Не посмотрю, что баба, по башке твоей глупой огрею! — сердито пригрозил он сквозь стиснутые зубы, даже не глядя в сторону женщин.

Лизавета Михайловна потянула Ромкину мать в сторону. Та всё ещё захлёбывалась от негодования, а Рома тем временем вышел вперёд и остановился почти вплотную к Назару.

— Вы оба послушайте, — негромко заговорил он, заметив, как Василий закатывает рукава, предвкушая драку.

Борис тем временем пытался унять праведный гнев женщин, уговаривая их вернуться домой.

Не пытаясь перекричать ругающихся женщин, Рома говорил как можно спокойнее и твёрже, хотя внутри у него всё кипело от злости. Он достал из кармана ржавый гвоздь и показал его мужчинам.

— Я вобью вот этот железный гвоздь у вас на пороге. И ещё сотню вокруг забора. Так, что вы никогда их все не найдёте.

Он помолчал, глядя на Назара и Василия. Те вдруг напряглись. Вася угрюмо смотрел на него из-под густых бровей, а старик замер, гневно поджав губы. Прищурившись, он внимательно слушал Романа.

Тот продолжил, едва слышно:

— И мертвяк ваш на рассвете дороги назад не найдёт.

— Брешешь, — буркнул Василий. — Брешет ведь, Назар Тихонович?

Старик поднял на Рому свои белёсые глаза. Грозно сощурился, но промолчал, словно и сам усомнился в его словах.

— Отпустите Катю на час из вашего склепа, — произнёс Рома. — Или проверим, брешу ли я.

— Не могу я больше дома находиться, — прошептала Катя, прижимаясь к Борису. — Изводит он нас своим криком. Не ребёнок это, — она вдруг отстранилась и посмотрела на Борю распахнутыми глазами, потемневшими от бессонных ночей. — Да и не человек вовсе.

— А Мария чего ж?

— Плачет всё время. По мёртвому все глаза выплакала, а теперь и по этому слёзы льёт. Но сейчас уже можно.

Катя снова устало положила голову ему на плечо. Какое-то время они молча смотрели на речку.

— Ночью её хоть привязывай. Всё рвётся встать к дитю, накормить его молоком. Но отец строго-настрого запретил. Не человек же это.

— А кто тогда?

— Не знаю. Отец говорит, что это пока. Сорок дней должно пройти, прежде чем нам его душу насовсем отдадут. И все эти сорок дней душа его по ночам должна возвращаться туда, откуда пришла, чтобы там её не хватились. Вот и получается, что днём он принадлежит нашему миру, а ночью — тому, откуда мы его забрали. Но по ночам им словно совсем другие силы завладевают. Тёмные, злые, — она замолчала, но Борис чувствовал, как дрожит всё её тело, прижавшееся к нему. — Отец говорит, что это просто бездушная оболочка, но я не верю.

Помолчав немного, она тихонько продолжила:

— Ночью отец запирает его в погребе, чтоб соседи не слышали его воя. Никого туда не пускает, только сам спускается, чтобы кормить. Говорит, смотреть на это нельзя... Однажды я подсмотрела... — Она всхлипнула. Боря крепче обнял её, внимательно слушая. — Мне кажется, он кормит его сырым мясом, — едва слышно произнесла Катя, замирая от ужаса.

Она сжалась в комок и тихо заплакала:

— Страшно мне! Что за зло мы принесли в дом? Нам этот грех и за вечность не отмолить! Борис едва дышал от страха, слушая девушку и баюкая её в своих объятиях.

— Не верну я тебя домой. Не отпущу, — решительно заявил он.

— Нет! — Катя отпрянула и испуганно воззрилась на него. — Мы должны ночевать дома все сорок дней.

— А иначе что?

Катя покачала головой.

— Даже думать об этом не хочу. Страшно.

— Отец твой неправ, — сердито произнёс Боря. — Как за меня замуж отдать, так я неугоден, а как против Бога идти... — Не в силах скрыть обиду, он замолчал.

— Боренька, — Катя сжала его руку. — Пройдёт сорок дней — сбежим. Хорошо?

Борис смотрел на неё во все глаза, не веря услышанному. Она сказала это так просто, словно речь шла о чём-то само собой разумеющемся.

— Да что ты, Катюша... — выдохнул он, прижав её руки к губам.

— Так ответь мне: сбежим? Не большим грехом это будет, чем то, что мой отец натворил. А потому и разрешения его спрашивать незачем, — затараторила она.

Боря с жаром закивал:

— Сбежим, Катюша, сбежим, — пообещал он.

Катя робко улыбнулась и обняла его за шею.

Рома опустился на корточки перед будкой Трезора.

— Что ж ты опять отрыл? — укорил он пса, присыпая землёй шляпки гвоздей. Некоторые поглубже загнал древком молотка. — Дурной ты. Я ж для твоего же блага, — он потрепал поскуливающую собаку за ухом. — Потерпи. Недолго осталось мертвяку по земле ступать. Глядишь, и впрямь живой пацан вернётся.

Рома с недовольством осмотрел лапу собаки. Шерсть на ней слиплась от крови и грязи. Каждое утро приходилось поправлять клинья, вбивая их поглубже, чтобы Трезор не добрался до гвоздей. Но пёс рвал цепь, порой до крови натирая шею грубым ошейником.

Роман гадал, что тот слышит по ночам. Один лишь вой покойника? Али нечисть эта мысли какие внушает? Иначе с чего бы псу пытаться от защиты избавиться?

Нечисть, как известно, железа боится. Это он тоже от прабабки узнал. Говорила она, что гробы не зря гвоздями заколачивают — чтоб покойник назад не воротился. Коль гвоздей пожалеешь, сдвинет мертвяк крышку, выберется из могилы, будет шорохаться, а то и дорогу

домой найдёт. После таких «сказок» Рома стал носить гвоздь в кармане, чтобы нечестивцев отпугивать. А когда прабабка померла, сам как следует крышку прибил.

— Не копай, покалечишься опять, — вздохнул он и поднялся на ноги.

Рома оглядел двор. С тех пор как он повбивал гвозди, никакая хворь больше к его дому не цеплялась. Лишь Трезор вёл себя беспокойно. Остальная живность оправилась, даже трава кое-где вновь зазеленела.

По ночам Рома выходил на крыльцо выкурить папироску, садился на ступеньки и слушал, как стрекочут сверчки. Но стоило выйти за ограду, как на него опускалась зловещая тишина, словно похоронный саван. Такая, что в ушах начинало гудеть. Даже ветерок стихал. Весь живой мир вокруг Назаровского дома скорбно молчал.

И только оттуда доносился протяжный вой — глухой, едва слышный, словно прямо из-под проклятой земли. Но как ни прислушивался Роман, так и не мог понять, не мерещится ли ему. Он лишь крепче сжимал в потной ладони гвоздь и читал «Отче наш» — долго, не переставая, пока Трезор вдруг не начинал заходиться тревожным лаем.

— Не сплю я, Боренька, — прошептала Катя, глядя на речную гладь, пылающую в лучах закатного солнца. — Вой этот и сейчас в ушах стоит. Днём смотреть на него не могу, хоть ничем от дитя и не отличается. А ночами... Прячу под подушкой гвоздик, чтобы никто не нашёл. Отец ведь все кресты да иконы убрал. Словно обнажил нас перед нечистью... Только на этом гвоздике душа моя и держится.

— Завтра, Катюша, твой кошмар закончится, — Боря поглаживал её по голове.

— За отца боюсь, — призналась девушка. — Совсем немощный стал. Всю силу из него это существо выпило. Вдруг не поднимется он из погреба?

— Ноченька осталась, сдюжит, — решительно заявил Борис. — Старик у тебя крепкий.

— А если завтра ничего не закончится? — несмело спросила она. — Что, если мы с погоста зло страшное принесли, а оно морочит нас, жизнь обещая?

Боря промолчал. Они с Ромой много об этом говорили и всякий раз сходились на одном: не Господний это дар. Да разве стал бы Отец Небесный требовать такой платы — потчевать дитя кровью да сырым мясом?

— Кто бы это ни был, Катюша, главное, чтобы не обманул да желание ваше исполнил, — тихо ответил он.

— Да разве нечисть может не лукавить, Боренька?

Он покрепче прижал её к себе и уставился на горизонт, где солнце алым шаром клонилось к земле.

— Возвращаться пора, — мрачно произнесла Катя.

— Побудем ещё минутку вместе. Обратно сломя голову побежим, — он невесело улыбнулся и поцеловал её в макушку.

— Предчувствие меня терзает, — вздохнула она. — Раньше рассвета ждала, а теперь боюсь его.

— Хочешь, ночевать у твоей ограды буду?

— Нет! — Катя отпрянула и испуганно замотала головой, поднимаясь на ноги. — Не вздумай! Это всё равно что на кладбище ночевать.

— Постой, — Боря поймал её за руку. — Подарок у меня для тебя есть.

Он достал из-за пазухи резной гребень.

— Две ночи ковал, чтобы зубья твои шёлковые волосы не драли.

Девушка взяла гребень и с трепетом прижала к груди.

— Тяжёлый какой!

— Так из железа ведь. А зубцы серебряные — из своего креста выплавил. Как только морок мысли твои спутает, волосы расчеши — и всё успокоится, — пообещал он. — Негоже такой красавице ржавые гвозди под подушкой хранить.

— Как же ты теперь без креста?

— Не тревожься за меня, — Боря поднялся и обнял девушку.

Внезапно их накрыла чужая тень. Катя вздрогнула и вырвалась из его объятий.

— Бежим, Боренька! Опаздываем ведь!

Не находя себе места, Борис мерил шагами дорогу, то и дело поглядывая на проклятый дом и прислушиваясь.

— Отдохнуть тебе надо, — подошёл к нему Рома.

— Не могу я, — выдохнул Борис, словно задыхаясь, и рванул ворот рубахи. Нателный крест он снял с груди, чтобы выковать из него гребень. — Чувство гадкое грызёт меня. Не должна эта тварь, Богу противная, жизнь получить.

— Следить будем. Коли что — одолеем, — твёрдо заявил Рома.

— Не могу я, Ромка, — Борис тяжело вздохнул и внимательно посмотрел на друга. — Бежать мы хотим, — признался он, словно сбросил с себя непосильную ношу.

Роман недоверчиво поглядел на товарища. Внутри что-то мучительно заныло. Он хотел сказать что-то, но не успел. Тишину разрезал пронзительный крик. Роме почудилось, будто ему выплеснули за шиворот ведро ледяной воды. До того жутким был этот вопль.

Боря сорвался с места и кинулся к Назаровскому дому.

Выйдя из оцепенения, Рома бросился следом.

— Вбивай гвозди, слышишь? — пробормотал кузнец побелевшими губами, хватая друга за грудки. — Как можно плотнее. А я за Катюшей...

Роман кивнул и помчался домой за гвоздями. А Боря тем временем уже выбил калитку и ворвался в проклятый двор.

— Катюша!

Он раз за разом налетал плечом на крепкую дубовую дверь, но та и не думала слетать с петель.

Тогда Борис выхватил топор из колоды и принялся рубить дверь в щепки.

— Боренька, спаси!

Голос донёсся до него совсем как в том кошмарном сне. Выбив пинком остатки двери, он ворвался в дом. Сжимая топор, Боря диким взглядом обвёл обитель нечестивца.

Он мог поклясться, что слышит покойнический вой. Не может живое существо издавать такие звуки, от которых кровь в жилах стынет.

Борис вбежал в большую комнату и тут же увидел старика Назара. Почерневший, усохший, словно помер не сегодня, а месяц назад, не меньше, тот лежал на диване, уставившись пустыми глазницами в потолок.

Тут со стороны кухни послышался грохот. Борис вспомнил, что Катюша рассказывала про погреб. И хоть жуть брала его неимоверная, он всё же направился туда.

— Боренька, помоги!

Внезапно навстречу ему выбежала Катя — взлохмаченная, бледная от страха — и рухнула к нему на грудь.

— Не смогли мы Марию удержать! Спустилась она к нему! — рыдала девушка.

Боря обхватил её своей огромной рукой, потрясённо глядя в темноту коридора за её спиной — туда, где находились кухня и погреб.

— Нельзя было смотреть, как оно ест!

— Что с ней стало? — только теперь Борис заметил, что ночная рубашка Кати залита кровью, а волосы мокрые.

— Разорвало оно Машку! Когда спохватились, уж поздно было. До сих пор её крик в ушах стоит! Зятя за ней в погреб спустились, да там и сгинули...

Не успела она договорить, как на кухне что-то глухо стукнуло.

— Неужто выбрался? — прошептала Катя.

Боря заслонил её собой и настороженно уставился в начало коридора, туда, где была кухня. Долго ждать не пришлось.

Что-то чёрное, чернее самой тени, выползло из темноты и на их глазах поднялось во весь рост. Человеческое тело было ему чуждо, будто неудобно: оно корчилось, пытаясь устоять на ногах. Качаясь из стороны в сторону и отталкиваясь руками от стен, словно пьяница, тварь двинулась к ним.

Борис никак не мог разглядеть её морду — слишком темно было. Он видел лишь жутко раскачивающийся силуэт, подволакивающий ноги, но не сомневался: это и есть мертвяк.

Катя запричитала:

— Защити меня, Боренька!

Мертвец приближался. Борис перехватил топор обеими руками, готовясь рубить. Но вдруг его сковал такой ужас, что он застыл, не в силах пошевелиться. Борис понимал: нечистая сила действует на него, парализует страхом, затуманивает разум. Там, где ещё недавно на груди лежал крест, вдруг стало холодно, словно приложили кусок льда.

— Это ж Василий... — ошеломлённо выдохнул Борис, узнав того, кого принял за мертвеца.

Хрипя и булькая, Катин зять шёл прямо на него, выпучив безумные глаза. Из разорванного рта свисали какие-то ошмётки, по подбородку и шее текла кровь. Борис понял, что тварь была не чёрной — просто залита кровью с головы до ног.

— Зло им овладело, — прошептала Катя у него за спиной.

То, что когда-то было Василием, вдруг потянуло к Борису руку. Обезумев от страха, тот рубанул мертвяка по плечу.

— Господи, прости! — воскликнул Борис и снова занёс топор.

— На улице Рома ждёт. Он спрячет тебя до рассвета.

— А ты что же?

— Вернусь сюда, чтобы довести дело до конца. Убедиться, что никакое зло из этого дома не вышло.

— И то верно.

В комнате Катя схватила свой вещевой мешок, приготовившись бежать.

— Петька где? — вдруг спохватился Боря.

Катя замерла. Прижав к себе узел с вещами, она испуганно уставилась на него.

— Петьки давно уж не стало, — тихо призналась она.

Боря в ужасе отшатнулся, но Катя выронила вещи и отчаянно вцепилась в кузнеца:

— Болел он, Боренька! Ты не подумай! Давно уж болел! Оттого отец так за внука и бился.

— Куда ж вы тело дели? — в смятении спросил он.

— Всё расскажу, только выведи меня отсюда, — взмолилась Катя.

Борис старался подавить гадкое чувство, поднимавшееся внутри. Почему-то ему не хотелось смотреть на девушку. Он отвёл взгляд и машинально коснулся груди — там, где прежде висел крест.

— Что ж ты с собой не берёшь? — Он заметил, как блеснул на столе гребень. — Иль не понравился подарок?

— Что ты, Боренька! Забыла просто!

Не глядя на девушку, он свободной рукой взял гребень и сунул в её вещевой мешок.

— Обещала ведь с собой носить, — с болью в голосе произнёс он и наконец осмелился поднять на неё глаза.

— И буду, — заверила она, покосившись на топор, рукоять которого Борис сжимал так крепко, что побелели пальцы.

— Катюша, — с нежностью глядя на девушку, произнёс он. — Не таишь ли ты от меня чего?

— Боренька, что ты такое надумал! — воскликнула она, и голос её надломился от обиды. — Ты лучше обними меня. А я тебе на ушко кое-что скажу.

Она протянула к нему руки, но кузнец не шелохнулся.

— Рома гвозди вокруг повбивал. Думали мы, что так мертвяк дороги назад не найдёт да и сгинет. На огороженную землю зло ведь попасть не может, — заговорил Боря, с такой силой сжимая топор, что пальцы задрожали.

Катя перестала улыбаться. Теперь она мрачно смотрела на кузнеца, поджав губы.

— А оказывается, вон оно как.

— Что оказывается, Боренька? — ласково спросила она, не размыкая зубов.

— Что и выйти ты не сможешь.

— Рома!

Услышав зов, Роман бросился во двор и тут же увидел Катюшу, бегущую прямо к нему. А следом за ней неслась какая-то тварь. Не сразу он разглядел в разъярённой, лохматой бабе Настасью. Та рычала, словно одержимая, и гналась за родной сестрой, пытаясь ухватить её за волосы. На лице застыл дикий оскал, глаза налились кровью, по подбородку стекала кровавая пена.

— Спаси меня, Ромочка! Ей зло овладело! — взмолилась Катя.

Роман и сам не понял, как успел перехватить молот, которым вбивал гвозди, и со всего маху огрел им Настасью. Он услышал, как хрустнули кости лба. Женщина рухнула наземь, словно подкошенная.

Но тут же захрипело то, что приняло облик Настасьи. Оно продолжало тянуть к Катюшину подолу скрюченную руку, дёргалось, словно рыба на суше. Рома занёс молот над его головой ещё раз.

Покончив с одержимой, Роман вытер лицо и посмотрел на Катю. В лунном свете она казалась призраком — бледным и испуганным.

— Где Борька? — спросил он, чуя неладное.

Катя закрыла лицо руками.

— Ой, Ромочка! Нельзя было ему сюда идти! — запричитала она, сокрушённо качая головой. — Злая сила всех погубила!

— Да что ж это такое... — Рома схватился за голову.

— Гвозди вы вбили, вот оно и уйти не может! Мечется, живых изводит! Настасья всех зарубила. Если б не Боря, и я бы там сгинула! — завывала от горя Катюша.

Роману почудилось, будто кто-то пнул его в живот. Он осел на землю, застонал и зажмурился. Когда открыл глаза, Катя уже стояла перед ним.

— Ты у калитки гвозди достань. Пусть нечистый на погост к мертвецам вернётся, — зашептала она, обнимая его за плечи.

Как в тумане, Рома послушно кивнул.

Вытанув из земли первые гвозди, он услышал за спиной богомерзкие звуки. Всё внутри задрожало, по коже пробежал мороз, а чавканье и хруст становились всё громче.

Пытаясь вспомнить молитву и путая слова от страха, Рома медленно начал оборачиваться. Но вдруг чья-то рука накрыла его макушку. Неестественно длинные пальцы сжали виски, удерживая его голову и не давая посмотреть на то, что творилось за спиной.

— Не смотри, — произнёс гортанный голос. — Коли жить хочешь.

Рома замер от ужаса, боясь даже вдохнуть. Так и сидел, не шевелясь, сжимая в руке вытащенные из земли гвозди. Невыносимый гул заполнил голову, но даже сквозь него Рома слышал, как хрустят кости Настасьи, ломаясь в зубах мертвяка. Слышал и истошный лай своего пса.

Трезор бросался на забор, рвал цепь, чуя, какое зло вывалось на свободу.

Лишь на секунду, не в силах совладать со страхом, Рома скосил глаза в сторону и увидел нечто чёрное как смоль, облачённое в белую сорочку Катюши. Тварь стояла, скрючившись в неестественной, противной человеческому телу позе.

В ту же секунду Романа ударила в нос могильная вонь. Голова закружилась, в глазах потемнело, и он провалился в беспамятство.

Гребень.

Она стояла в ванной комнате перед зеркалом и внимательно смотрела на своё отражение. Нужно что-то сделать с этими мешками под глазами. Придвинувшись к зеркалу почти вплотную, она придирчиво изучила отёкшую кожу под глазами. Провела по ней изящным пальчиком с аккуратным красным маникюром и тяжело вздохнула.

Отстранившись, девушка лёгким движением взбила копну каштановых волос, расправив их на плечах, и ещё с минуту покрутилась перед зеркалом, заигрывая со своим отражением. Синий летний сарафан мог бы сидеть на ней гораздо лучше, если бы она не ошиблась с размером, когда выбирала его на сайте.

— Катя, ты идёшь? — позвал голос.

Девушка приоткрыла дверь и выглянула в коридор:

— Да, зай, иду.

Она подошла к шкафчику, села на корточки и поискала в нижнем ящике тональный крем. Достав тюбик, она задвинула ящик на место. Катя уже хотела подняться, но её взгляд вдруг зацепился за металлический уголок, выглядывавший из-под шкафа. Она осторожно вытянула вещицу. Это был гребень для волос. Девушка сдула с него пыль и удивлённо покрутила в руках. Почему-то он казался ей знакомым. Возможно, когда-то он принадлежал ей.

Но когда это было? Если только в прошлой жизни. Что он делает здесь, в этой ванной?

Катя встала и, не отрывая заинтересованного взгляда от вещицы в своих руках, подошла к зеркалу.

Остановившись перед своим отражением, она подняла руку с гребнем, аккуратно погрузила его зубчики в свою густую шевелюру и потянула вниз. Лицо девушки тут же исказилось от боли.

Сколько же, оказывается, запутанных прядей!

Гребень буквально рвал её волосы. Катя слышала, как они трещат под нажимом её руки, когда острые металлические зубцы прорываются сквозь её густую гриву.

Это вдруг напомнило ей об одном случае, который произошёл совсем недавно. Когда она сидела возле своего дома и ждала, пока Рома принесёт ей чай, то заметила человека в соседнем дворе. Мужчину лет сорока. Судя по комбинезону, это был нанятый садовник. Он расчищал заросший участок, который пустовал уже долгое время. Катя не могла вспомнить, чтобы за последние несколько лет видела хоть одну живую душу в этом запущенном дворе, поэтому появление незнакомца заинтересовало её.

Сначала девушка лишь слышала его, сидя в тени у дома. Но потом он взял лестницу и принялся за живую изгородь. Он безжалостно орудовал секатором, отсекая ветки и листья. Лезвия неприятно лязгали, сухие щепки летели в разные стороны. Время от времени мужчина останавливался, поправлял большие защитные очки и поудобнее перехватывал ручки секатора.

Катя не могла оторвать от него глаз. Он же, напротив, не обращал на неё никакого внимания.

Как и сейчас, тогда она почувствовала нарастающий внутри трепет. Ей невероятно сильно захотелось вскочить на ноги и заговорить с этим садовником. Ей нужно было что-то ему сказать. Что-то очень важное.

Что-то, от чего зависела чья-то жизнь.

Но она не могла заставить себя даже подняться. Катя сидела и как зачарованная смотрела на человека, подстригающего верхушки кустарников. Всё, что она могла, — это открывать и закрывать рот, словно выброшенная на берег рыба, не в силах окликнуть его.

Да он бы и не услышал. На голове у него были большие жёлтые наушники, плотно закрывавшие уши. Зачем он их надел, Катя не знала. Возможно, для работы с газонокосилкой, а воз-

можно, просто слушал музыку. Садовник срезал ещё несколько веток и продвинулся дальше. Скоро он закончит с изгородью у соседнего забора, уйдёт на другую сторону, и она больше его не увидит!

Катя набралась храбрости и подняла руку. Она даже приподнялась со скамейки, но тут же чья-то сильная рука усадила её на место. Эта рука рванула её вниз, прямо за волосы, и пригвоздила к скамейке. Затылок обожгло огнём, и она тихонько вскрикнула. Больше Катя не пыталась привлечь внимание садовника.

Стиснув зубы, Катя дотянула гребень до конца пряди. Кожа головы горела в том месте, где прошлись зубцы. Знакомое ощущение. Кажется, она выдрала целый клочок волос.

— Катя, ну сколько тебя ждать? — недовольно прозвучал голос.

— Иду, — потерянно отозвалась она, всё ещё отходя от воспоминания.

Разве всё было именно так?

Девушка посмотрела на гребень, зажатый в дрожащей руке, а затем бросила взгляд на своё отражение, словно не узнавая себя.

— Иду, — повторила она.

Катя поспешно вернулась к шкафу и спрятала гребень на самом дне ящика, прикрыв его тюбиками крема и прочей косметикой.

Дверь в ванную открылась. Катя обернулась.

— Я искала тональный крем, — пояснила девушка, демонстрируя тюбик.

— Хорошо. Идём.

Они сидели вдвоём на диване в гостиной и смотрели какой-то старый фильм. Катя давно уже не следила за сюжетом. Она никак не могла прогнать из головы то воспоминание. Прокручивала его раз за разом, и, когда Рома положил руку ей на колено, невольно вздрогнула.

— Чего дёргаешься?

— Зай, помнишь, мы сидели во дворе... — Она замялась.

— Ну, помню, — кивнул он.

— Там был садовник.

— Да, — напряжённо отозвался Рома. — Участок снова готовят к продаже.

Катя помолчала, а потом всё же осторожно произнесла:

— Ты тогда сильно дёрнул меня за волосы.

— Прости. Может, я случайно?

Катя вздохнула. Может, и так.

Рома обнял её за плечи.

— У тебя такие длинные и густые волосы, что я вечно за них цепляюсь. Но ведь не специально.

Катя улыбнулась.

— Может, мне подстричься?

Лицо мужчины нахмурилось.

— Ты ведь потом об этом пожалеешь.

Девушка кивнула. Может, и пожалеет.

Катя бросала нервные взгляды в сторону двери. Она нашла гребень, погребённый под полупустыми тюбиками, и внимательно посмотрела на него.

Словно по лезвию ножа, она провела подушечками пальцев по длинным острым зубчикам. Лак на ногтях кое-где облупился, и Катя поморщилась, заметив это. Убрав руку за спину, чтобы не видеть досадную картину, девушка поднялась и подошла к зеркалу.

Стоя в одной ночной рубашке в холодной ванной, она поёжилась. Босые ноги, казалось, и вовсе превратились в лёд.

Поднеся гребень к макушке, Катя замерла. Глубоко вздохнула, словно перед прыжком в воду, и вонзила его в волосы.

В памяти всплыла ещё одна картина. Они с Ромой ужинали, о чём-то болтали, смеялись. Катя чувствовала, как у неё теплеет на душе от этого воспоминания.

Она потянула гребень вниз и зажмурилась от ослепительной вспышки боли.

Картинка в голове разлетелась на мелкие кусочки — точно так же, как и бокал с вином.

Катя увидела усыпанный осколками пол. Подол её зелёного сарафана был залит красным напитком. По полу растекалась алая лужа. Девушка дрожала от страха, боясь посмотреть на сидящего напротив мужчину. Она знала, что он зол. Но не потому, что разбила бокал: ведь это сделала не она. Её бокал по-прежнему стоял на столе рядом с нетронутой едой.

Рука с гребнем безвольно опустилась и повисла вдоль тела. На глазах выступили слёзы. Катя не могла сказать, от чего именно: от боли или от страха.

Она посмотрела на своё отражение и разочарованно покачала головой.

Снова занесла металлический гребень, погрузила зубы в густые пряди и медленно провела ими по всей длине.

На этот раз воспоминание было довольно старым. С тех пор прошло уже несколько лет. Пять лет, если быть точной. Ровно пять лет с тех пор, как Катя в последний раз выходила за пределы этого дома.

Она словно наяву увидела новенький BMW, остановившийся рядом с ней, когда она уже возвращалась домой. Водитель — молодой симпатичный мужчина с широкой улыбкой — высунулся в окно и заговорил с ней. У него были выгоревшие на солнце светлые волосы, ямочки на щеках и такие яркие голубые глаза, что Катя даже не слушала его, утопая в их синеве. Он предложил подвезти её до дома. Она согласилась.

Катя улыбалась, вспоминая эту встречу. Она методично водила гребнем по волнистым волосам, прикрыв глаза.

Но и это воспоминание вдруг начало рушиться. С каждой секундой оно становилось всё мрачнее.

Машина внутри оказалась старой и прокуренной. Был в ней и ещё какой-то запах. Настолько противный, что Катю и сейчас затошнило от одного только воспоминания. Она больше не любовалась мужчиной, сидевшим за рулём. Его солнечная улыбка исчезла. Даже небесно-голубые глаза вдруг потемнели. Прямо на её глазах мужчина изменился. Буквально. Это был совсем другой человек. Катя вглядывалась в черты его лица. Это был Рома. Он неотрывно смотрел перед собой, на чёрную ленту дороги.

Куда делся приветливый незнакомец? Катя снова оказалась там, в машине, и почувствовала, как внутри всё покрывается коркой льда. Это всё Рома. Рядом с ним ей стало холодно.

Катя опустила глаза и почувствовала, как отступившая было тошнота нахлынула с новой силой. Её руки и платье были вишнёвого цвета, словно она опрокинула на себя таз с краской. Но она знала, что это кровь. Пропитавшийся ею насквозь сарафан неприятно лип к телу, раздражая кожу.

Она поспешно отвернулась к окну и стала смотреть на проплывающие мимо дома, стараясь не думать о том, что с ног до головы покрыта чьей-то кровью. Потом они выехали на трассу, и городской пейзаж сменился высокими деревьями вдоль дороги. Ей было страшно. Нет, не так. Она была парализована страхом.

— Дом в другой стороне, — едва шевеля губами, произнесла она.

— Заправиться надо. Не возражаешь? — Он казался абсолютно равнодушным. Даже не посмотрел в её сторону.

— Я могу выйти здесь.

— На трассе нельзя останавливаться.

— На заправке выйду.

— И пешком пойдёшь?

— Да. До остановки.

— Нет. Вдруг что-то случится.

— Со мной всё будет в порядке.

Роман ухмыльнулся и больше ничего не ответил.

Она не могла вспомнить, заезжали ли они на заправку.

Катя открыла глаза и испуганно уставилась на своё отражение. Затем перевела ошеломлённый взгляд на гребень.

— Катя! — прогремел голос в коридоре.

— Я в туалете, — поспешила отозваться девушка. — Иду.

Она метнулась к шкафчику и спрятала гребень на самом дне ящика. Она слышала, как к двери приближаются тяжёлые шаги. В следующую секунду дверь распахнулась, но Катя уже стояла перед ней. Рома даже отступил от неожиданности.

— Что-то случилось?

Катя мотнула головой. Она изо всех сил старалась не выдать своего волнения, но сердце было готово выпрыгнуть из груди.

— Ночью нельзя ходить по дому одной, — процедил он.

— Да, я знаю.

— Пойдём.

На следующее утро Катя едва держалась на ногах. Она полночи не могла уснуть и теперь то и дело клевала носом.

— Ты здорова? — Рома хмуро наблюдал за тем, как она ковыряется в яичнице.

— Голова раскалывается, — призналась она.

— Кажется, у нас оставались таблетки от мигрени.

Мужчина поднялся из-за стола и подошёл к настенному кухонному шкафчику. Достав аптечку, он поставил её на стол и принялся искать нужное лекарство.

— Вот, — произнёс он, прищурившись и изучая срок годности. — Да, ещё нормальные.

Рома выдал капсулу на ладонь и протянул её Кате.

— Сейчас налью тебе воды. Может, поспишь пару часиков?

Девушка неопределённо пожала плечами. Он поставил перед ней стакан воды и положил руку ей на спину. Катя невольно подалась вперёд, отстраняясь.

— Да что с тобой? — удивился он.

— Ничего.

Она проглотила лекарство и, не глядя на Рому, вышла из-за стола.

— Мне действительно лучше прилечь.

Лёжа на диване, Катя слышала, как Рома ходит по дому. Он даже зачем-то спустился в подвал, но пробыл там не больше четверти часа. Затем прошёл через гостиную мимо неё в сторону коридора. Катя зажмурилась, стараясь дышать глубже и размереннее, чтобы Рома решил, будто она крепко спит.

— Я выйду в гараж, — негромко сообщил он.

Катя не реагировала. Не дождавшись ответа, Рома ушёл. В коридоре хлопнула дверь.

Катя почти бегом бросилась в ванную комнату. Оказавшись внутри, она прикрыла за собой дверь. Достала из шкафа гребень и, тяжело дыша от волнения, замерла перед зеркалом.

Её рука остановилась в сантиметре от волос. Катя вдруг засомневалась. Что вообще делает этот чёртов гребень? Она поднесла его к глазам и внимательно рассмотрела острые зубчики. Зачем их нужно было так сильно затачивать? Неосторожный владелец мог вспороть ими кожу головы, если бы надавил посильнее. Катя принялась изучать каждый зубчик, пытаясь обнаружить следы засохшей крови.

Медного цвета, изящный, без узоров и излишеств, гребень напоминал вещицу из коллекции какой-нибудь светской дамы позапрошлого века.

Этому дому было уже очень много лет. Возможно, гребень всё это время пролежал в шкафу, висевшем в огромной ванной. Затерялся у дальней стенки одного из ящиков, а однажды упал через щель. И теперь сводил новую владелицу с ума?

Катя задумалась. Рома такой заботливый. Такой внимательный. В саду он действительно мог случайно зацепить её длинные волосы. Такое случалось и раньше, причём не раз. А та ссора во время ужина...

Катя невольно поёжилась, вспомнив, как Рома кричал, швыряя тарелки. Пол был усеян осколками и остатками ужина. Кажется, он так разозлился из-за тех людей. Той пары, что приходила в гости.

Девушка снова оказалась в том дне, прямо внутри собственного воспоминания. Она оглядела стол. Четыре тарелки: три полупустые и одна нетронутая. Стол накрыт на четверых. К этому моменту Рома уже смёл на пол большую часть посуды, включая бокалы. Их тоже было четыре. Уцелел лишь её бокал. Рома кричал так громко, что у него вздулись вены на шее. Что же она натворила?

Катя закрыла глаза. Сквозь темноту, без всякой помощи гребня, начали проступать образы.

Открылась дверь, и коридор озарился ярким дневным светом. На пороге стояла пара. Мужчина и женщина — ровесники Кати. У женщины были ярко покрашенные красной помадой губы. Жидкие светлые волосы острижены под каре. Мужчина, брюнет, почти на голову выше неё, был одет в тёмно-зелёный пиджак поверх белой футболки. Оба широко улыбались. Они вошли в дом и протянули бутылку вина. Ту самую, чьи осколки спустя несколько часов будут усеивать кухонный пол.

Позже они сидели за столом, разговаривали и смеялись. Друзья Ромы? Через какое-то время он и женщина, чья помада к тому моменту почти стёрлась с губ, куда-то ушли. Мужчина допил вино и тоже поднялся, но Катя остановила его. Она накрыла его руку своей, придвинулась ближе и что-то тихо сказала. Он нахмурился, наклонился, чтобы расслышать, но вдруг отпрянул и ошарашенно посмотрел на девушку.

Катя всё ещё крепко держала его за руку, когда на кухню вернулся Рома. Он замер в дверном проёме и зло уставился на них.

У Кати всё внутри оборвалось. Она вернулась на своё место, потупив взгляд. Мужчина в пиджаке резко поднялся и, отпихнув Рому с дороги, вышел. Одарив Катю неодобрительным взглядом, Роман последовал за ним.

Катя открыла глаза и посмотрела на себя в зеркало. Ей было стыдно за тот вечер. Должно быть, она перебрала с вином и что-то ляпнула другу Ромы. Что-то непристойное. Что-то, что оскорбило мужчину и вывело Рому из себя.

Вдруг боль пронзила ладонь. Катя поморщилась и разжала руку. Всё это время она так сильно сжимала гребень, что тот впился в кожу, оставив болезненные красные отметины.

Девушка покосилась на дверь, прислушиваясь. Рома, кажется, всё ещё был в гараже. В доме стояла тишина. Катя взглянула на гребень и решительно погрузила его зубцы в волосы.

Оглушительный крик вонзился в уши и застрял где-то в мозгу, мечась по нему эхом. Катя выпустила гребень из рук, позволив ему повиснуть в спутанных прядях. Она схватилась за голову и опустилась на корточки, пытаясь справиться с тем, что творилось в её сознании.

Она изо всех сил гнала прочь это воспоминание. Была готова расковырять себе мозг этой дьявольской расчёской, лишь бы вырезать проклятый фрагмент из памяти. Она не хотела этого помнить. Потому что не хотела в это верить.

Перед её глазами всё ещё стоял тот вечер.

Ещё минуту назад она видела спину мужчины в зелёном пиджаке, спешно покидавшего кухню. Катя слышала странный шум, доносившийся из гостиной. Звуки борьбы? Женский крик, переходящий в визг, а затем в хрип. После этого наступила тишина. Катя медлила, прежде чем пойти в гостиную, но всё же пересилила себя, несмотря на дурные предчувствия.

Девушка вышла из кухни и оказалась в полупустой гостиной, где из мебели был только диван. Воздух показался ей пыльным, словно по комнате пронеслось стадо буйволов, подняв копытами песок и грязь, которые теперь клубились в лучах заходящего солнца, светившего прямо в окно. Катя неторопливо двинулась дальше, обошла диван и застыла на месте. Она увидела совсем немного. Всего одну крохотную секунду. Но этого оказалось достаточно, чтобы понять: произошло нечто страшное.

Ноги мужчины скользнули по полу, сдвигая небольшую ковровую дорожку у лестницы, и скрылись за дверью, ведущей в подвал. Кто-то волок его туда. Грохот. Бесчувственное тело кубарем скатилось по ступеням и мешком рухнуло где-то внизу, в подвале.

Её внимание привлекло что-то в коридоре, почти у самой ванной. Девушка подошла поближе, чтобы разглядеть. На полу, раскинув руки, лежала та самая женщина с белокурыми волосами, остриженными под каре. Её шея была неестественно вывернута, словно кто-то сломал её, предварительно попытавшись задушить. На побелевшей коже проступали синие следы чьих-то пальцев. Оба мертвы.

Катя не могла сказать наверняка, сколько времени прошло с этого момента до того, как она наконец осмелилась сдвинуться с места и заглянуть в подвал.

Но Роме хватило этих минут, чтобы разрубить одно из тел на части. Казалось, он даже не замечал застывшую в ужасе девушку, продолжая методично опускать топор и отделять конечность за конечностью, хрящ за хрящом. Лезвие врезалось в плоть с влажным чавканьем. Во все стороны летели брызги крови и осколки костей. Рядом валялся зелёный пиджак.

Зажав рот ладонью, Катя тихо попятилась и остановилась лишь у входной двери, когда спиной упёрлась в дверную ручку.

Онемевшими пальцами она вцепилась в замок, пытаясь повернуть щеколду, но та упиралась во что-то и не поддавалась. Катя обернулась через плечо. Он всё ещё был там, внизу.

— Пожалуйста, — прошептала она, тщетно дёргая ручку.

Возможно, без ключа дверь не открыть. Катя огляделась. На стене совсем рядом висела деревянная планка с крючками для ключей. На ней был всего один ключ. Катя схватила его и рванулась обратно к двери. С первого раза он вошёл в верхнюю скважину и свободно проворнулся.

Катя почувствовала, как внутри всё вспыхнуло от волнения. Она открыла дверь!

Ещё один поворот. Замок приятно щёлкнул. Катя надавила на ручку, но тут же взвизгнула.

— Куда ты на ночь глядя? — Он намотал её волосы на кулак.

Катя сидела за пустым столом. Она не сводила глаз с бокала, стоявшего справа от неё. Девушка удивлялась, как он уцелел после той сцены, которую устроил Роман.

— Тебе не стоило этого делать! — бесновался он. — Видишь, к чему это привело? — Мужчина ткнул пальцем в сторону гостиной. — Я сделал это ради тебя! И чем ты мне отплатила?!

Катя чувствовала, как пылают её щёки. Ей было невероятно стыдно.

Он впился в неё взглядом, полным негодования.

— Ты снова отправишься на цепь! — Рома схватился за голову и застонал. — И ты сама в этом виновата. Это ты вынуждаешь меня так с тобой поступать!

Катя потёрла запястья, вспоминая жёсткие оковы, впивавшиеся в кожу. Только не на цепь. Её кости заныли, словно заранее предчувствуя тяжесть наручников, которыми он сковывал её по рукам и ногам, когда она позволяла себе ослушаться.

Однажды, после очередной попытки сбежать, он запер её вот так, прикованную к стене, и не выпускал из комнаты больше месяца, изредка навещая, чтобы покормить или сводить в туалет. Тогда она поклялась, что будет вести себя хорошо, если он станет снимать оковы хотя бы днём. Спустя какое-то время он перестал пристёгивать её и на ночь. И вот теперь она снова его подвела.

— Прости меня, — пробормотала она.

Роман рухнул на стул напротив и отодвинул от себя уцелевшую тарелку с недоеденным стейком. Он кивнул на тарелку, стоявшую перед Катей. Большой кусок мяса лежал на белом фарфоре в розовой лужице мясного сока.

— Ты снова ничего не ешь.

Катя оторвала взгляд от наполненного вином бокала и посмотрела на Рому.

— Аппетита нет.

Она видела, как гневно поджались губы мужчины и заходили желваки на скулах. Казалось, даже стол задрожал от нарастающего напряжения. Катя не сразу поняла, чтодребезжание доносится из внешнего мира, лишь вплетаясь в воспоминание.

Девушка открыла глаза. Она всё ещё сидела на полу в ванной. Что это за вибрация? Катя неловко поднялась на ноги, придерживаясь за стену, и выглянула в коридор. Шум доносился с улицы.

Катя быстро прошла вдоль холла до гостиной, поглядывая на окна. Лишь в дальнем углу она заметила кого-то на соседнем участке. Кто-то в красной кепке прошёл мимо окна, глядя вниз. Так шумит газонокосилка! Вернулся тот садовник. Катя улыбнулась и поспешила к входной двери, неотрывно глядя на мелькающую в окне красную кепку.

У самой двери она столкнулась с Ромой. Она чуть не влетела в него, засмотревшись в окно. Казалось, он поджидал её там.

— Хочешь подышать воздухом? — спокойно спросил он.

Катя растерянно уставилась на него.

Рома тяжело вздохнул, бросив взгляд в сторону окна, где время от времени появлялось красное пятно.

— Ты же знаешь, чем это снова закончится, — неодобрительно покачал он головой.

Катя сникла. Она развернулась и покорно побрела в сторону кухни. Уже там девушка коснулась волос и поняла, что гребень всё ещё при ней. Она как можно быстрее вырвала его из спутанных прядей и прижала к груди. Опасливо оглянувшись на Рому и убедившись, что он занят чем-то в коридоре и не следует за ней, она сунула руку с гребнем за ворот сарафана и спрятала его в чашечке лифчика. В спешке она оцарапала кожу и теперь боялась, что Рома заметит ссадину и начнёт задавать вопросы.

Катя опустила за стол, отрешённо глядя перед собой. Казалось, ей на плечи опустили бетонную плиту.

Рома никогда не даст ей уйти. Он всегда рядом. И каждый, с кем она заговорит, обречён. Через минуту она физически ощутила давление на плечи, когда на них легли руки Ромы.

— Я всегда буду рядом, — тихо произнёс он.

Кате захотелось сжаться в комочек.

Когда наступила ночь, Катя вышла из комнаты в коридор. Едва ступая, она двинулась вдоль него. Пальцы ног утопали в мягкой ковровой дорожке, но кое-где под её весом всё же скрипели половицы. В руке она сжимала гребень, держа его зубцами наружу, наподобие кастета.

На этот раз она шла не к входной двери, а к комнате Ромы. До неё оставалось всего пара метров. Дверь была плотно закрыта. Девушка в нерешительности замерла перед ней, переминаясь с ноги на ногу. Ладонки вспотели, и она вытерла их о ночную рубашку, поудобнее перехватив гребень правой рукой.

Стараясь не шуметь, Катя повернула дверную ручку, но дверь не поддавалась.

Рома закрылся изнутри?

Шокированная и обиженная этой мыслью, девушка отдернула руку, словно от огня, и растерянно уставилась на стальной набалдашник. Через секунду ручка повернулась влево, и дверь отворилась.

— Катя, кажется, мы договаривались, — с раздражением заговорил Рома. — Ты не разгуливаешь ночами по дому, иначе мне придётся снова запираТЬ...

Он замолчал. Его глаза расширились от изумления.

Катя отступила было назад, но он схватил её за предплечье. Сделав шаг в её сторону, он как-то неуклюже покачнулся. Девушка вцепилась в его руку, пытаясь разжать впившиеся в кожу пальцы. Наконец ей удалось оттолкнуть его от себя.

Рома рассеянно прижал ладонь к шее. Катя видела, как сквозь его пальцы сочится кровь, заливая всю левую сторону белой футболки. Удивление в его взгляде сменилось яростью.

Стиснув зубы, он зарычал, словно дикое животное.

— Мне нужно уйти. Я так больше не могу, — прошептала она, словно вымаливая прощение.

Рома качнул головой и снова попытался дотянуться до неё свободной рукой. Девушка увернулась и отошла в сторону. Он последовал за ней, но споткнулся и схватился за дверной косяк в тщетной попытке удержаться на ногах. Его руки соскользнули, оставляя на белом дереве красные разводы. Ноги мужчины подкосились, и он осел на пол, жутко всхлипывая.

Выйдя из оцепенения, Катя почувствовала в ладони что-то мокрое и тёплое. Она перевела взгляд на зажатый в руке окровавленный гребень. Гребень с невероятно острыми зубцами, способными вспороть кожу. И горло.

Перешагнув через ноги Ромы, девушка направилась в гостиную. Кожа рук стала липкой от чужой крови, и она заглянула в ванную, чтобы смыть её с себя.

Стоя перед умывальником, Катя посмотрела на своё отражение. На её щеке виднелось несколько алых капель. Не глядя, она отложила гребень на раковину, открыла кран и, набрав холодной воды в сложенные лодочкой ладони, выплеснула её на лицо. Она повторила это несколько раз, пока не убедилась, что на ней не осталось его крови.

Когда она вышла в коридор, Рома так и сидел у своей комнаты, прислонившись к дверному косяку. Она прислушалась. Ей показалось, что он едва слышно хрипит. Но даже если секунду назад это было так, теперь он умолк. Его голова безвольно свесилась на грудь. Кровь продолжала вытекать из его шеи, стекая по плечу и груди и образуя на полу густую красную лужицу возле левого бедра.

Не сводя взгляда с неподвижного тела Ромы, Катя собрала волосы, закрутила их в пучок и закрепила всё ещё мокрым гребнем. Холодный металл коснулся кожи, зубцы скользнули по затылку, оставляя царапины.

Густая копна волос тут же провисла под собственным весом, несколько прядей упали на плечи, но девушка не придавала этому значения.

Сидя на улице, Катя шурилась от тёплого весеннего солнца. Она наблюдала за тем, как садовник заканчивает уборку. Он собрал все свои инструменты и направился к калитке, за которой был припаркован его автомобиль.

— Здравствуйте! — окликнула его девушка, улыбаясь.

Мужчина вздрогнул и обернулся. Он не сразу увидел её, высматривая владелицу голоса в чужом дворе.

Катя поднялась на ноги и помахала ему.

— Здравствуйте, — озадаченно произнёс он, поправляя красную кепку.

— Можно попросить вас подбросить меня до города? — Катя закинула за спину рюкзак. — Мужа дома нет, а я не умею водить.

Садовник вздохнул. Было видно, что он сомневается.

Катя улыбнулась ещё шире и подошла к самому забору, протягивая ему руку:

— Меня зовут Катя.

Мужчина просунул руку между стальными прутьями и легонько сжал её пальцы.

— Павел... — Он на секунду замолчал, словно перестал дышать. Потом, часто заморгав, неловко улыбнулся: — Конечно. Садитесь.

— Значит, вы готовите участок к продаже? — Катя устроилась на пассажирском сиденье.

— Да, меня наняли новые владельцы, — ответил садовник, почему-то не глядя на неё. Он нервно поглядывал куда угодно, только не на Катю. — Судя по траве, давно он пустовал.

— Года три, — девушка беспечно пожала плечами. — Хозяева куда-то исчезли. Бросили дом.

— Мне рассказали... Семейная пара. Может, с ними что-то случилось?

— Может, и так, — хмыкнула Катя.

— Ну, большую часть он всё же сделал, — женщина окинула придирчивым взглядом территорию участка. — Траву скосил. Изгородь тоже обработал...

— Странно, что, сделав большую часть работы, он перестал выходить на связь. Я мог бы дать щедрые чаевые за ответственность, — мужчина рядом с ней спустил солнцезащитные очки на кончик носа.

— Странно, — женщина недовольно глянула на него, слегка наклонившись в его сторону. — Ещё одно странное исчезновение? Как и с бывшими владельцами?

— Перестань, — насмешливо поморщился он. — В такую глухомань просто никто ездить не хочет.

— Зачем покупать дом и бросать его?

— Может, они срочно уехали из страны. Не до продажи было.

— Так это не работает.

Но он её уже не слушал. Мужчина прошёл вперёд и хмуро уставился на одноэтажный дом на соседнем участке.

— Там тоже никто не живёт? — спросила женщина.

Он пожал плечами.

Соседский дом был старым, с тенистым навесом над крыльцом и террасой. Когда-то его выкрасили в зелёный цвет, но теперь краска облупилась, обнажив тёмно-серые доски. Казалось, дом утопал в траве. Даже стены и черепичная крыша были оплетены вьюном.

Мужчина пытался разглядеть признаки жизни в этом доме, но тот казался нежилым. Неживым.

Весеннее солнце палило так жарко, что спина его футболки промокла едва они вышли из машины. Но теперь мужчина почувствовал, как по коже пробежал мороз. Холод пробрал его до самых костей. Из оцепенения его вывели слова жены. Она уже подошла вплотную к забору и теперь всматривалась в окна, пытаясь разглядеть за стёклами хоть кого-нибудь.

— Фу, ты чувствуешь? — Женщина зажала нос и рот ладонью и, скривившись, отступила назад.

— Должно быть, животное. Забралось в дом и сдохло... — сказал её муж. Казалось, он и сам не верил в свои слова. — Я позвоню кому-нибудь...

Ему пришлось мотнуть головой, чтобы прийти в себя, но и это слабо помогло. Угнетающее чувство, исходившее от чужого дома, никак не отпускало его. Потерянно глядя на строение, захлебнувшееся в траве, он попятился к машине.

Риелтор, молодой парень, нетерпеливо осматривался по сторонам. В качестве стажёра его отправили к чёрту на кулички, потому что никто в здравом уме больше не поехал бы сюда. Прижимая к себе папку, он безостановочно вздыхал и всем своим видом показывал, что смотреть тут больше не на что, кроме него самого.

— Вы не захотите здесь жить, — он натянуто улыбнулся и покачал головой. — Слишком далеко. Слишком страшно.

Девушка удивлённо вскинула брови.

— Страшно?

— Да. Вы думаете, почему хозяева съехали? Не захотели жить рядом с домом маньяка, — устало выдохнул он.

— Маньяка? — вторила ему потенциальная покупательница, изображая изумление.

— Да, — он понизил голос. — Полгода назад хозяина того дома нашли мёртвым. А потом и в подвале тела нашли. Ну... то, что от них осталось, — парень многозначительно поднял брови и кивнул в сторону соседского дома. — Лишь обглоданные кости. Говорят, он людоедом был, — он заискивающе улыбнулся, стараясь нагнать жути своим тоном. — Говорят, он съел и пропавших без вести соседей. От мужика нашли только пиджак, который узнали родственники. А от бабы его — лишь цепочку да пару косточек. И всё в том самом подвале, — он замолчал, выпучив глаза и уставившись на облупившееся одноэтажное строение.

Девушка покачала головой.

— С ума сойти! Но он же мёртв? — Она нахмурилась.

— Да. С собой покончил. Вроде, — риелтор поёжился в своём большом чёрном пиджаке, словно снятом с чужого плеча.

— Вроде?

Парень помялся.

— Ну, знаете, говорят всякое... — Он потёр лоб. — Вы точно после такого не купите дом. И на меня ведь нажалуетесь. Мол, напугал, отговорил.

Она усмехнулась.

— Никому не расскажу.

Риелтор улыбнулся в ответ и охотно продолжил:

— Пара, которая продаёт этот дом, сказала, что полицейские нашли его дневник. Вроде как его хотели сохранить в тайне, но слухи о содержимом быстро поползли. Так что верить этому или нет... — Он ещё раз огляделся, словно желая убедиться, что их никто не подслушивает. — Записи там старые. Датируются аж прошлым веком. Что странно: он тогда ещё и не родился.

Девушка придвинулась ближе к парню, внимательно слушая. Он перешёл на шёпот:

— Хотя о чём там написано, я не знаю. Но вот последние страницы — как раз перед самоубийством, — дальше он попытался говорить как можно беззаботнее, немного нараспев, словно желая унять собственную тревогу: — Мол, не могу её больше сдерживать. Она голодна и хочет человеческого мяса. Она всё чаще пытается вырваться на волю, чтобы снова убивать... — Он помолчал, нервно улыбнувшись. — Согласитесь, бред сумасшедшего? Это он, наверняка, про свою вторую личность так писал.

— Может, и так.

Она кивнула, о чём-то задумавшись.

— Он там и про соседей пишет. Что она, эта его личность, уговорила пригласить соседей, а потом вышла из-под контроля и убила их. Хорошо сваливать вину на другого, да? Мол, не я это. Это она, моя вторая личность, — риелтор хохотнул.

Но собеседница, казалось, жадно ловила каждое его слово. Ему явно польстило её внимание, и он заговорил вновь:

— Единственное, что странно, так это фраза... Кхм... Ну, опять же, если слухи не врут... Что он за эти годы так ослаб, что уже не понимает, любовь это или им тоже управляют её чары, — он произнёс это, исказив голос, словно пытаясь спародировать маньяка. — Я вот думаю: как можно любить своё второе я? Как это вообще возможно? Может, его вторая личность была бабой?

— Может, и так, — снова задумчиво отозвалась девушка.

Она пристально посмотрела на риелтора. Парень вдруг осёкся и перестал кривляться, поражённо глядя на неё.

— Знаешь что, Матвей, — тихо произнесла она, взяв его пальчиками за пуговицу пиджака. — Иди-ка разбей свою тупую голову вон о тот кирпич, торчащий из стены.

Риелтор вмиг помрачнел. Лицо его стало бледным и серьёзным. Он кивнул и беспрекословно направился к дому.

Девушка беспристрастно следила за тем, как он подошёл к кирпичной стене, отклонился назад, словно прицеливаясь, а затем резко подался лбом вперёд. Раздался хруст ломающейся кости.

Она отвернулась и посмотрела на соседний деревянный дом за высоким забором. Вьюн к осени почти завял и теперь чёрными лианами окутывал одноэтажное строение.

Мокрое хлюпанье на заднем плане прекратилось. Девушка вздохнула.

— Я тебя и правда любила, Рома.

Она машинально поднесла руку к волосам, коснувшись металлического уголка, выступавшего между густыми каштановыми прядями.

— Рада слышать, что ты меня тоже, — мягко улыбнулась она. — Может, снова найдёшь меня. Конечно, в следующей жизни.

То было зло.

Камешки, словно надоедливые мошки в июльское жаре, отскакивали от стекла. Из-под укрытых вечерними сумерками тополей доносился приглушенный смех. Окно распахнулось в ночь с тихим вздохом потревоженных петель:

— Машка? Леська? Вы?

— Да кто ж ещё, — зашептала в ответ высокая девушка. — Сонь, айда гулять, — она вышла из тени и продолжила, прикрывая рот ладонью. — В ДК сегодня танцы!

— Говорят, Витька приехал с института! — добавила Олеся.

Соня опасливо глянула за спину, потом высунулась в окно по пояс, уперевшись руками в шершавый подоконник.

— Отец не велит, — тихо сказала она.

— Вернёшься, он и не заметит, — Машка лукаво подмигнула ей. — Он уж спит давно, поди!

— Точно, точно, — подбадривала Леся.

Кот на заборе приподнял уши, с любопытством шурясь в сторону наряженных девушек. Со стороны двора донеслось сердитое ворчание собаки, и подружки шмыгнули обратно в тень тополей, словно испуганные кошки.

— Тс, — Соня прижала палец к губам и нырнула в дом.

Старый Полкан ещё какое-то время беспокойно побасил, сонно выполняя свой сторожевой долг и затих, тяжело опустив морду на лапы. Соня снова выглянула наружу. Взлохмаченные русые волосы зацепились за льняной мешочек, висящий над головой. Привычным движением она выпутала самодельный оберег из копны волос, оставив несколько травинков в непослушных прядях.

— Хорошо, пойду, — неуверенно улыбнулась она и быстрее закрыла окно, чтобы не тревожить пса.

Всего пять минут спустя окно снова распахнулось. Софья, с аккуратно заплетенной косой, перекинула ноги наружу, придерживая юбку, и ловко спрыгнула на землю. Стараясь ступать тише, она двинулась к притаившимся в тени подружкам и, лишь убедившись, что её побег незамеченным, рванула к ним со всех ног.

— Отец рассердится, коль поймает, — Соня обняла подруг. Её сердце готово было выпрыгнуть из груди от волнения.

— Ни за что не поймает, — Маша сжала её ладони. — А если что, то вали на нас, — её цветастая косынка сбилась почти на затылок и из-под неё выбились волнистые локоны черных, как воронье крыло, волос.

— Бежим скорее! — поторопила Леся.

Девушки прыснули сдавленным смехом и помчались прочь от дома в сторону площади, где располагался сельский ДК.

Местный дом культуры хранил следы прошлого: сквозь побелку словно тени проступали бурые пятна, половицы танцпола помнили скрип тележек с ранеными, а окна помутнели, приняв вечный траур. Ежемесячные танцы создавали неуклюжий, но необходимый контраст между весельем и тяжелыми воспоминаниями.

Подруги не спешили заходить в клуб. Вместе со всеми, подобно мотылькам, они ютились в тусклых островках фонарей. Девушки, раскрасневшиеся от волнения и неспадаящей даже ночью жары, перешёптывались, поправляя причёски и косынки, украдкой бросая взгляды на парней. Те, бравируя небрежностью, курили самокрутки, засунув руки в карманы и оглядывая собравшихся с нарочитой снисходительностью.

В густом, жарком воздухе терпкий запах табака смешивался с ароматами надушенных платков. У Сони кружилась голова, а тут ещё и Леська нетерпеливо дёрнула её за руку:

— Смотри! Витька!

Соня вытянула шею, пытаясь разглядеть предмет обожания всего села, разделённого неглубокой, но бурной речкой. Он сидел на ступеньках крыльца, рядом лежала гитара. От его улыбки, поймавшей Сонин взгляд, жар хлынул к лицу подобно той реке, заливая щёки румянцем.

Она смущённо спряталась за подружками, не разбирая их щебетания от волнения. Витю уже окружила стайка молодежи: парни расспрашивали о городе, девчонки заливисто смеялись, словно соревнуясь в звонкости.

— И кому он достанется? — мечтательно вздохнула Маша. — Может, тебе, Сонь? — она толкнула её плечом. — Ишь как разулыбался!

— Да брось, — девушка застенчиво улыбнулась.

— А что? — Маша понизила голос. — Осенью в город уедет опять. Последний год ему учиться остался. Не вернётся сюда больше. Сцапает его городская и всё.

Соня удивлённо распахнула глаза:

— Уедет?

— Все скоро разъедутся. Я тоже поступать хочу. В Москву, — задумчиво проговорила она.

— Вы все уедете? — голос Сони задрожал.

— И ты учиться поедешь.

— Отец не позволит... — проронила девушка.

— Не расстраивайся, — Маша обняла её за плечи. — Леська вон, останется.

— Почему это? — возмущённо протянула та.

— Чтоб уехать надо либо учиться, либо замуж за городского выйти, а у тебя мало того, что Колька, так ещё и... — Машка рассмеялась, но Леся обиженно поджала губы:

— Тьфу на тебя. Колька у меня знаешь какой умный? Он вон на тракториста выучился. А там, глядишь, и университеты ваши осилит. Пути господни неисповедимы, знаешь ли.

— Это ты верно говоришь, — признала Маша, обнимая её второй рукой. — Умная ты, Леська.

— Ну тебя, — беззлобно огрызнулась та.

Из распахнутых дверей ДК донеслась музыка. Мелодия, словно чарующий зов дудочника, пронеслась над площадью, увлекая за собой. Молодежь устремилась вовнутрь. Витя подхватил гитару и, ещё раз глянув через плечо на Соню, исчез в весёлом гомоне толпы.

Увлёкшись танцами, Соня совсем потеряла счёт времени, но вдруг ледяная рука сжала её сердце с такой силой, что она едва не рухнула без чувств прямо посреди танцпола. Подруги догнали её уже на улице.

— Сонь, да брось ты, — Маша покраснела от танцев. — Фух, там просто душно, вот тебе и плохо стало.

Леся села на ступеньки рядом. Вид у неё был подавленный.

— Лесь, а ты чего? — спросила Маша.

— Колька этот... — Леся не договорила. Голос задрожал от обиды, и она лишь махнула рукой. В лунном свете её лицо казалось неестественно белым и почти сливалось с её белобрысыми волосами.

— Девушки, а я вас ищу, — раздалось со стороны дверей.

Они обернулись. Увидев Виктора, Соня невольно прижала руку к груди, пытаясь унять сердцебиение.

— Прямо уж и ищешь, — не растерялась Маша. — Что-то за весь вечер ни разу не подошёл.

— Так вот же, подошёл! — пылко воскликнул он, обезоруживающе улыбаясь. В его голубых глазах плясали озорные искорки. — Музыкой занят был, но от вас глаз оторвать не мог, — он смотрел на Соню.

— Как же, — недоверчиво протянула Маша, качая головой.

— Клянусь, — Виктор сбежал по ступенькам, обогнул Лесю, словно её там и не было, и подошёл к Соне, потерявшей дар речи

— Софья, верно? — он взял её за руку, и всё внутри девушки затрепетало. — Пойдём танцевать.

Маша подмигнула ей, подбадривая, но Соня высвободила свою руку, спрятав её за спиной:

— Не могу, домой нужно. Отец ждёт, — она сделала шаг назад.

— Леська! — на крыльцо, качаясь словно корабль в шторм, выплыл Николай. Его рубаха была расстёгнута нараспашку, картуз сбил набок, на губе висела папироса. В глазах тракториста плескалось хмельное веселье, но едва он увидел Виктора, в них тут же вспыхнул недобрый огонь. — Ты чего тут отираешься? К Леське моей клинья подбиваешь?

Витя удивлённо глянул на ещё более сникшую Олесю, словно видел её впервые, а потом мотнул головой:

— Что мне, девок мало?

— Вот и вали! — рявкнул Коля и, спотыкаясь на ступеньках, едва не полетел кубарем. Маша и Лесья, привыкшие к подобным выходкам, проворно подхватили его под руки, удержав от падения.

— Пьянь, — прошипела ему Лесья на ухо. — Всё, натанцевался.

— Помощь нужна? — насмешливо предложил Витя, наблюдая, как девушки едва волокут перепившего тракториста.

— Без тебя справимся, — буркнул Коля, даже не удостоив его взглядом.

Виктор пожал плечами.

— Как знаете, — хмыкнул он и обернулся к Соне, но та уже направилась в сторону своего дома.

— Сонь, подожди, — спохватилась Маша. — Кольку доведём, да тебя проводим.

— Да что вы, — Витя расплылся в улыбке. — Идите. Я Софью сам провожу.

— Нет, нет, — вяло запротестовала Соня, но Виктор уже подхватил её под руку.

Соня растерянно взглянула на подруг. Лесья по-прежнему злобно отчитывала своего захмелевшего жениха, ей было совсем не до нее. Маша же, поддерживая едва стоящего на ногах Николая, кивнула ей на прощание.

— Неужели отец такой строгий? — спросил Витя.

— Боится за меня, — ответила Соня, смотря себе под ноги.

Они шли по тротуарной плитке. Их шаги гулко отдавались в ночной тишине. Так они пересекли площадь и свернули на улицу. Тротуар под ногами сменился ухабистой просёлочной дорогой. Соня пару раз оступилась и Виктор крепко сжал её предплечье, положив вторую руку ей на поясницу. Раскалённая ладонь неприятно прилипла к спине. Несмотря на жару, по её телу побежали мурашки, желудок скрутило в тугой узел, и она попыталась отстраниться.

— Не хотел, чтоб ты упала, — Витя убрал ладонь, небрежно скользнув пальцами по её талии. Он взял её под руку, притягивая ближе. — Ну, теперь ты никуда не денешься, — ухмыльнулся он.

Бледный осколок луны едва пробивался сквозь густую тьму. Деревья нависали черными сводами, поглощая остатки света. Соня судорожно сглотнула, стараясь не отставать от уверен-

ного шага Вити. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы этот путь поскорее закончился. Почему-то присутствие Виктора давило сильнее, чем темнота.

Дом Сони находился дальше всех, на отшибе, подпираемый лесом и отделенный от остальных узким окошком. Там, в тени старых тополей, обычно прятались её подруги, побаиваясь отца.

— Слышал, он у тебя диковат.

Соня вскинула на него почти оскорбленный взгляд.

— Нет.

Витя усмехнулся:

— Ну тебе, конечно, виднее, — он помолчал, а потом едко добавил. — Вот только нет дыма без огня.

Всё внутри Сони напряглось. Она хотела остановиться, но Виктор крепко держал её за локоть, увлекая за собой. Беззаботно глядя вперёд, словно и не замечая её попытки высвободиться, он пожал плечами:

— Люди всякое говорят.

— Что, например? — угрюмо спросила она.

— Про то, что свихнулся он после войны.

— Неправда.

— Что свой взвод погубил.

— Брешут.

— Говорят, дезертир.

Соня замотала головой. Все эти сплетни она слышала не раз, но каждый раз её душила обида. Проглотив слёзы, она выдавила:

— Врут.

— И про то, что мать твою зарубил?

Софья отшатнулась от него словно от удара, но Виктор дёрнул её назад.

Ноги её подкосились от рывка, из горла вырвался сдавленный стон. Витя же, будто обезумев, протаскил её в сторону, прочь от дороги, прижал её к шершавой коре дерева и зажал рот ладонью.

Отчаянно пытаясь вырваться, Соня замолотила по нему руками, но в живот прилетел удар такой силы, что в глазах потемнело:

— Пикнешь, придушу. Все решат, что батя твой с катушек слетел, когда узнал, что на танцы сбежала, — прорычал Виктор ей на ухо, обдавая жаром и запахом табака. Его водянисто-голубые глаза блестели в темноте, жадно поедая её лицо. — На меня никто не подумает.

Слёзы безостановочно текли по её щекам, затекая под его мокрую ладонь. Губы щипало от соли. Кровь оглушительно долбила в ушах. Мысли путались, толкаясь в её голове, сбиваясь в чернильный мутный комок, горячо пульсирующий где-то в затылке.

— Тс, — как змея прошелестел Витя, задирая свободной рукой её платье и отталкивая вяло сопротивляющиеся руки.

Соня зажмурилась. Казалось, её душа покинула тело, оставив лишь пустую оболочку. Она больше не слышала хриплого дыхания Виктора, не чувствовала боли. Вокруг образовался омут, затянувший всё темнотой и поглотивший все звуки. Лишь цикады стрекотали невероятно громко и где-то жутко ухал филин. Соне даже чудились его глаза: два зловещих огонька, сверкающих в ночной чаше, глядящие прямо на неё.

Отец не хватился её. Измученный кошмарами, он часто не мог уснуть и топил свою боль в водке, пока не отключался. Этой ночью всё было именно так.

Соня прокралась в дом. Словно ходячий мертвец, не отдавая себе отчёта в происходящем, она совершала машинальные движения, отрешённо глядя в пустоту, боясь вернуться в реальность.

Умывшись ледяной водой, она переоделась, спрятав грязное платье под кровать от отца. Села на койку и протащила усталый взгляд по полу, наткнувшись на бело-красный комок — платок, который бросил ей Виктор перед уходом. Она не могла отвести от вещи вдруг потяжелевший взгляд. Вскочив, она схватила его и бросилась в сени.

Домой она вернулась лишь на рассвете. Костяшки пальцев саднило от боли — так усердно она пыталась отстирать платок, вернуть ему первозданную белизну.

Она рухнула лицом в подушку. Перед глазами, даже в темноте, стояли два сверкающих жёлтых глаза. Казалось, они отпечатались на её веках.

Несмотря на жару, Соня натянула одеяло на голову и провалилась в тревожный сон. Снова снился старый дом, откуда им пришлось бежать. Шестилетняя, она пряталась на кровати, сжавшись от страха, когда отец ворвался в комнату и сгрёб её вместе с одеялом. Она ничего не видела, только слышала. Истощенный крик матери, молящий отца спасти Соню. Грохот выстрелов — отец, прижимая к себе дочь одной рукой, палил в кого-то из пистолета. Но страшнее всего было *оно*. Оно громило их дом, издавая нечеловеческие звуки, от которых кровь стыла в жилах. Оно визжало и завывало. Оно рычало так, что содрогались стены и пол, а всё внутри Сони дрожало.

— Они нашли меня, нашли, — причитал отец, крепко прижимая её к себе. Вырвавшись из дома, он мчался прочь. Одеяло соскользнуло, и Соня, оглядываясь через плечо отца, видела прыгающую дорогу. Их дом, объятый огнём, оставался позади. Вдруг одно из окон взорвалось, и оттуда вместе с густым дымом и языками пламени вырвалось нечто чёрное, с костлявыми руками, неестественно длинными и искривлёнными. Вцепившись ими в оконную раму, оно издало такой пронзительный визг, что у Сони заложило уши, и в ту же секунду пламя поглотило жуткую фигуру, пожирая её без остатка.

Соня вздрогнула и открыла глаза. Над ней навис тёмный силуэт, заслоняя собой скудный солнечный свет, проникающий сквозь плотно зашторенные окна. Как всегда суровый и молчаливый, отец смотрел на неё, словно пытаясь разглядеть скрытое за пеленой сна и страха.

— Что с тобой, дочка? — ласково спросил он, и этот вопрос отозвался в ней дурнотой.

Она попыталась улыбнуться, но губы не слушались, а в горле застрял комок.

— Мама приснилась, — прошептала она, и в глазах отца мелькнула боль.

Он отвернулся, судорожно вздохнув, пытаясь совладать с эмоциями, которые даже спустя годы были словно оголённые нервы.

— Прости, — Соня сжалась в комок и натянула одеяло до подбородка.

Говорить о матери было нельзя. Эта тема была под негласным запретом. Но сейчас, не в силах думать о прошлой ночи, Соня намеренно бередила старую рану. Пыталась заглушить новую боль старой, оправдать душащие её слезы.

— Ничего, дочка. Мне тоже снится, — глухо ответил отец.

Соня знала, его сны — крошечный ад. Она слышала его крики. Спустя десять лет смерть жены стояла перед его глазами, стоило их закрыть. Она видела это в зияющей пустоте его взгляда, в потускневших от горя глазах.

И поэтому она не могла рассказать ему о том, что произошло этой ночью. Она понимала, что этим выпустит на волю такую бурю, которую он может не пережить.

Отец положил тяжёлую, шершавую ладонь на её голову и вздохнул. От его руки исходило такое тепло, что Соне захотелось, как в детстве, укрыться в его огромных объятиях от жестокого мира.

Медленно подойдя к окну, он распахнул створки и придирчиво осмотрел мешочек с травами. Одобрительно хмыкнув, оставил окно открытым и повернулся к Соне.

— Сегодня поеду в город, — сообщил он, совладав с эмоциями и стараясь говорить бодро. — Вернусь вечером.

— Хорошо, пап, — Соня кивнула.

— Листок я сорвал, — прежде чем уйти, бросил он.

Отец много пил, но в каком бы состоянии он ни находился, он не забывал сорвать лист календаря. Однажды, когда Василий Иванович провалялся в беспамятстве почти сутки, Соня сама оторвала пожелтевший листок. Было полночь, когда он, заворочался, гулко закашлялся и сел в постели. Непослушными пальцами он подцепил уголок календаря, сорвал лист и остекленевшим взглядом уставился на чёрную дату. Его сухие губы беззвучно двигались, словно он пытался произнести вслух то, что было написано на календаре, не веря себе. Вдруг его словно прошибло током. Ужас стёр с его лица остатки хмеля.

— Как же это?! — ошеломленно выдохнул он, вскакивая на нетвёрдые ноги и хватаясь за комод, чтобы не упасть. Шаткой походкой пересёк комнату, направляясь к шкафу, где хранилось ружьё. — Сонька, проверь двери! — крикнул он.

— Папа! — она поймала его за плечо. — Не сегодня, завтра!

Он упёр в неё отупевший взор, сдвинув седые брови.

— Я уже оторвала лист, — пояснила она.

На его лице отразилось недоумение, затем осознание, и руки, до этого мёртвой хваткой сжимавшие ружьё, вдруг ослабли и безвольно повисли вдоль тела. Софья успела подхватить оружие, прежде чем оно с грохотом упало на пол. Отставив его в сторону, она поддержала отца под руку, помогая ему дойти до кровати.

— Что же ты... — рассеянно выдохнул он.

— Прости, — искренне произнесла она. — Пап, десять лет уж минуло...

Тяжело опустившись на кровать, он грозно взглянул на дочь.

— Ты маленькая была, не помнишь.

— Всё я помню.

— Нет, — резко оборвал он. — Ни черта ты не знаешь, какое зло за нами охотится.

— Так расскажи, — робко попросила Соня, заглядывая в измученное лицо отца.

— Не могу я, дочка. В могилу это унесу, — он категорично покачал головой. Лицо его сморщилось от терзающих воспоминаний. Он положил голову на подушку и закрыл глаза. — Не могу...

Теперь она понимала, почему. Некоторые раны слишком глубоки, чтобы их обнажать. Невозможно найти в себе силы, чтобы заставить слова прорваться сквозь сжимающееся спазмом горло, обрести форму в истерзанном, объётом агонией сознании.

Отец уехал. Соня долго сидела на диване, прислушиваясь к себе, пытаясь понять, остались ли в ней вообще какие-то чувства. Порой ей казалось, что внутри бушует шторм, едва сдерживаемый хрупкой плотинкой. Ещё немного, и её захлестнёт разрушительное цунами.

В кармане лежал сложенный платок Виктора. Как она ни старалась, вывести до конца блеклые бурые пятна не удалось. Соня разгладила его, сложила, но платок казался безнадежно испорченным. Стиснув его в кулаке, она решительно поднялась.

— Здравствуйте! — Соня стояла на крыльце дома Виктора, стараясь выдавить на губах приветливую улыбку.

— День добрый, — мать Виктора, иссушенная годами и деревенским трудом, но сохранившая следы былой красоты, окинула ее цепким взглядом. У нее были такие же глаза, как у Виктора: водянисто-голубые, обрамленные темными ресницами.

— Я пришла вернуть Виктору платок, — Соня протянула ей вещь.

Нерешительно приняв платок, женщина вопросительно посмотрела на Соню, и той пришлось что-то придумать:

— Вчера у меня носом кровь пошла, он мне помог.

Лицо матери Виктора вмиг посветлело от улыбки:

— Он у меня молодец! Настоящий мужчина растёт, — с гордостью произнесла она. — Заходи, не стесняйся, чайку попьём. Ты ж, вроде, Василия дочка?

— Да, — Соня не хотела входить в дом, но ноги сами понесли её вперёд.

— Витька у меня золото, а не парень, — приговаривала женщина, хлопоча по кухне, в то время как Софья безо всякого интереса осматривала внутреннее убранство. Дом как дом, ничего особенного. И не скажешь, что здесь живёт зло.

— Скажите... — начала Соня, запнувшись, пытаясь вспомнить, как зовут мать Виктора.

— Анна Юрьевна, — представилась она и поставила перед Соней кружку с дымящимся чаем. Следом на столе появилось печенье, пиала с вареньем и сахар.

— Анна Юрьевна, а где сам Виктор?

— Где-то гуляет, — ответила женщина и как-то заискивающе, чуть ли не лукаво, взглянула на Соню, присаживаясь напротив за стол. — Скоро учиться опять, а там уж жизнь взрослая начнётся, не забалуешь. Пусть отдыхает пока, напоследок.

Соня кивнула и осторожно поднесла к губам кружку. Напиток был обжигающе горячим, и искусанные, изъеденные слезами губы вспыхнули от боли. Она поставила кружку на место, едва пригубив безвкусный чай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.